

Н. К. ШИЛЬДЕР

Император Александр Первый, его жизнь и царствование

<Фрагменты>

<...> Из заметок Протасова видно, что с пятнадцатым годом Александр Павлович вступил в период развития страстей, требовавший от его воспитателей особенного внимания. Императрица Екатерина не замедлила решить вопрос по-своему, ускорив женитьбу внука.

Мысль о приискании для великого князя Александра подходящей невесты уже давно занимала Екатерину. Еще в 1783 году 7 (18) сентября баденский поверенный в делах Кох представил императрице записку с характеристикой пяти маленьких дочерей наследного принца Баденского, в которой он особенно восхвалял четырехлетнюю принцессу Луизу. На этот раз Екатерина ограничилась уклончивым замечанием, *qu'elle n'ignorait pas le mérite des jeunes princesses de Bade, mais qu'elle avait les mains liées à leur égard...* («что ей известны достоинства юных принцесс Баденских, но что у нее связаны руки в отношении их...»). Тем не менее семь лет спустя Екатерина снова вспомнила о принцессах Баденских и доверенным лицом для ведения переговоров избрала графа Николая Петровича Румянцева, занимавшего тогда место чрезвычайного посланника и полномочного министра во Франкфурте-на-Майне. 14 ноября 1790 года императрица поручила графу Румянцеву, под предлогом обычного посещения князей германских, при которых он был аккредитован, съездить в Карлсруэ и там постараться увидеть дочерей наследного принца Луизу-Августу, 11 лет, и Фредерику-Доротею, 9 лет. «Сверх красоты лица, — писала Екатерина, — и прочих телесных свойств их, нужно, чтобы вы весьма верным образом наведались о воспитании, нравах и вообще душевных дарованиях сих принцесс, о чем в подробности мне донесите». Вместе с тем императрица предписывала вести это дело «с крайнею осторожностью и самым неприметным для других образом». С этого времени между Екатериной и гра-

фом Румянцевым установилась весьма оживленная переписка, предметом которой служил выбор невесты для любимого внука государыни.

Граф Румянцев без замедления отправился в Карлсруэ и 2 марта 1791 года доносил императрице о результатах своих наблюдений: «Принцесса Луиза, — пишет граф, — несколько полнее и развитее, чем обыкновенно бывают в ее лета. Хотя ее нельзя признать вполне красавицею, тем не менее она очень миловидна. По-видимому, она кротка, вежлива и приветлива; сама природа наделила ее необыкновенною грациею, которая придает особенную прелесть всем ее речам и движениям. Общий голос отдает ей предпочтение пред всеми ее сестрами; хвалят ее характер, а лучшею гарантиею ее здоровья служат ее телосложение и свежесть. Единственно, что умаляет благоприятное впечатление, производимое ее особою, это некоторая полнота, которая грозит в будущем слишком увеличиться. — Если принцесса Луиза слишком развита для своих лет, принцесса Фредерика-Доротея развита гораздо менее, чем бы ей следовало; она до сих пор еще очень скромный и молчаливый ребенок, но который обещает сделаться очень красивым. Но если верить даме из общества, которой принцессы были поручены на некоторое время, то застенчивость эта происходит от известного рода сдержанности, составляющей одну из особенностей характера принцессы Фредерики, что, по-видимому, предвещает в ней большие способности. Принцесса Фредерика, с своими большими прекрасными глазами, имеет вид более важный и серьезный, между тем как в принцессе Луизе заметно более резвости и довольства, что указывает на веселость, но веселость скорее тихую, чем шумную. — Изучать детей вообще очень трудно тому, кто мало их видит; притом же, принцесса Фредерика, несколько отставшая в своем физическом и умственном развитии, еще более затрудняла предстоявшую мне задачу. То, что я имел честь сказать в. и. в. о каждой из этих принцесс, составляет результат не только моих собственных наблюдений, но является и заключением, которое я должен был вывести из всего того, что я слышал от окружающих их людей, от людей преданных их родителям, а равно и от тех, которые вследствие натянутости отношений и неудовольствий отделились от них. Прошу позволения в. и. в. закончить сказанное одним замечанием, которое может быть не лишено значения в данном случае. Если все баденские принцы, как живущие в настоящее время, так равно и те, которых я застал еще здесь, отличались друг от друга дарованиями и сведениями, то все они весьма сходятся между собою, обладая ровным, прекрасным характером. В основании его лежат сердечная доброта и благодушие. Что же касается до наследной принцессы,

то можно с уверенностью сказать, что она не внесла в этот дом зачатков противоположных качеств».

Императрица осталась довольна донесением графа Румянцева и 26 мая 1791 года написала своему посланнику: «Надобно теперь, чтоб вы опять без аффектации и под видом посещения немецких князей, при которых вы аккредитованы, съездили к баденскому двору и старались изведать мысль супруги наследного принца и, напоминая бытность ее в России, сказали, что вы от меня самой знаете, в какой отличной памяти она у меня находится, и что я часто оказывала желание паки ее увидеть. Потом, узнав ее расположение, не оставьте хвалить детей ее, наипаче же третью и четвертую дочь, и в разговорах ваших потщитесь узнать, не сделает ли отец или дед препятствия к перемене закона которой либо из тех дочерей, и, буде найдете склонность в наследной принцессе и никаких ни от кого препятствий, меня уведомьте». В заключение подтверждалось вести дело с крайнею осторожностью, «никого не компрометируя и колико можно меньше гласно».

<...> Граф Николай Петрович дважды посетил баденский двор и, успешно выполнив предписания императрицы, удостоился получить выражение ее благоволения в собственноручном письме от 2 января 1792 года. Екатерина писала, что с удовольствием видит, что граф нашел наследную Баденскую принцессу в том точно расположении, как желалось ее найти, а дочерей ее, превосходя уже доброе об них описание, сделанное прежде сего. Затем императрица продолжает: «Старшей из сих принцесс в сем генваре месяце исполнится тринадцать лет и будет она по нашему счету на четырнадцатом году, следовательно, о поездке матери ее с дочерьми сюда прежде января месяца будущего 1793 года еще условиться рано, но между тем предложит вам от времени до времени съездить в Карлсруэ, иметь старание и бдение, дабы образ мыслей наследной принцессы не переменился, но паче подкрепился, такожде старайтесь поприлежнее узнать нрав, склонности и, буде можно, о душевных свойствах и понятиях старшей принцессы, такожде о здоровом ее телесном сложении; все сие, думаю, что, сдружась с окружающими их людьми, не трудно вам будет разведать гораздо подробно. Касательно мысли маркграфа баденского не предвидится из оных по вашему описанию великие препятствия. Но буде найдете способ отклонить наследного принца от приезда его с супругою его сюда, вы сделаете дело доброе и которое отвратит многие разные неудобности; подобная поездка по крайней мере совсем излишня; вы знаете нашу публику и неумеренное ее суждение, малейшее в отце чего не понравится, останется в мыслях и в речах, и в переговорах и более служить противу, нежели для до-

чери, от женщины же понеже менее требуется совершенств, то им скорее прощаются недостатки, и лишь бы были осторожны, вежливы и обходительны. Касательно перемены в законе скажу, что мы у деда и у прочих родственников не станем просить дозволение, лишь бы принцессам не запретили принять оный, сама же думаю, что не станет упрямится, следуя добрым советам своей матери; сверх того, приедучи сюда, уже половина намерения исполнится, увидя же жениха, надеюсь, что не откажется от ожидаемой ей судьбине».

Во время ведения дальнейших переговоров с баденским двором оказалось затруднение по поводу предположенного путешествия наследной принцессы в Россию, которая не могла оставить своего супруга, чтобы привезти к императрице своих дочерей. Екатерина высказала, однако, мнение, что это обстоятельство не есть еще существенная помеха делу и вещь поправимая. «Хотя, конечно,— пишет императрица Румянцеву 4 июня 1792 года,— ввиду возраста принцесс, можно было бы еще отложить года на два приезд их в Россию, но я думаю, что, прибыв сюда ныне же, в самом этом возрасте, та или другая скорее привыкнет к стране, в которой ей предназначено провести остальную всю жизнь, и что другая тем не менее будет пристроена прилично своему рождению. Вследствие таких соображений я решилась предписать вам, чтобы вы просили у наследной принцессы Баденской согласие на отъезд обеих ее дочерей, принцесс Луизы и Фредерики. Вы скажете, что я охотно принимаю на себя окончание их воспитания и устройство участи обеих. Склонность (*l'inclination*) моего внука Александра будет руководить его выбором; ту, которая за выбором останется, я своевременно пристрою. Для упрощения формальностей вдовствующая графиня Шувалова отправится на этих днях под предлогом поездки на Ахенские воды, в сопровождении старинного друга ее дома, тайного советника Стрекалова¹. Если наследная принцесса, как она сама предполагала, муж ее и свекор согласны будут вручить мне молодых принцесс, то вы уговоритесь с помянутою графиней Шуваловой и тайным советником Стрекаловым о месте, где будет приличнее принять молодых принцесс. Графиня Шувалова путешествует под собственным именем, а принцессы сохраняют инкогнито до самых границ России. По прибытии в Петербург обе принцессы будут жить в моем дворце, из которого одна, как я надеюсь, не выйдет никогда, а другая лишь затем, чтобы ей пристойным образом выйти замуж. Считаю излишним сказать вам, что они будут всем снабжены и содержаны на мой счет: это само собою разумеется и для вас несомненно».

Воля Екатерины была исполнена, и в воскресенье, 31 октября 1792 года Баден-Дурлахские принцессы прибыли в Петербург. Дорогой

им пришлось вынести, как пишет Екатерина, то, что называется у нас «совершенная распутица и непогода». Обрадованная императрица тотчас уведомила о их приезде графа Румянцева. «Они вышли из экипажа у своего жилища, у дома Шепелева — пишет Екатерина 1 ноября. — При выходе из кареты их встретил гоф-маршал и придворные кавалеры, назначенные сопровождать их, и проводили в их апартаменты. Я стояла, так сказать, спрятавшись с графиней Браницкой, которая меня сопровождала, равно как с графом Зубовым, который был дежурным, в одной из комнат, предназначенных принцессам, когда двери распахнулись, и они вошли: старшая довольно скоро узнала меня, младшая последовала ее примеру. Эта старшая показалась всем, видевшим ее, очаровательным ребенком или, скорее, очаровательной молодой девушкой: я знаю, что дорогой она всех пленила; графиня Шувалова и Стрекалов расточают ей тысячу похвал. Затем я пригласила войти всех, кто им сопутствовал, и, так как было уже поздно и все были утомлены, я, после краткого свидания, удалилась с графиней Браницкой и графом Зубовым, которые всю дорогу, не умолкая, болтали о впечатлении, которое произвела на них старшая принцесса. Из этого я вывожу заключение, что наш молодой человек будет очень разборчив, если она не победит его; он увидит ее лишь тогда, когда она совершенно отдохнет, а я не выкажу ни малейшей поспешности показать ее ему». В тот же день вечером Екатерина продолжает: «Я два раза видела сегодня принцесс. Чем больше видишь старшую, тем больше она нравится (*“l'ainée plus on la voit et plus elle plait”*)». *“On ne peut la voir sans être charmée”* («невозможно видеть ее и не быть очаровану»), — сказала Екатерина Храповицкому на другой день после приезда принцесс.

Утром 1 ноября императрица навестила принцесс во время их туалета и возложила на их светлости знак ордена св. великомученицы Екатерины. Приезд в Петербург и первую встречу с императрицей Екатериной принцесса Луиза описывает в письме к своей матери следующим образом: «В конце концов, после очень утомительного путешествия, мы вот приехали, милейшая мама, вчера в 8 часов вечера. Императрица ожидала нас в наших комнатах с статс-дамою, фамилию которой я позабыла — она племянница князя Потемкина — и с неким г. Зубовым, которому я очень признательна, потому что он вывел меня из тяжелого, затруднительного положения, о чем я вам и расскажу сейчас. Прежде всего мы приезжаем, затем поднимаемся по лестнице. Г. Барятинский, обер-гофмаршал, подает мне руку, и нам предшествуют два камер-юнкера. Они проводят нас через несколько комнат, мы подходим к закрытой двери, она раскрывается, моя сестра Фредерика и я — входим, дверь за нами закрывается. Это была комната,

в которой нас ожидала императрица. Я вижу ее; мне хотелось думать, что это она, но так как я не думала, чтобы она была там, я не хотела все-таки подходить к ней, опасаясь, как бы это не был кто-либо другой; в первое мгновение я не хорошенько всмотрелась в нее, все-таки я должна была бы узнать ее, видевши так много ее портретов. Одним словом, мгновение я остаюсь, точно остолбеневши, когда вижу по губам этого г. Зубова, что он говорит, что это императрица, и в то же время она приближается ко мне, говоря: «я в восторге от того, что вижу вас». Тогда я целую ей руку, тогда же является графиня Шувалова, и за нею следуют все остальные. Затем императрица удаляется».

Принцесса Луиза быстро освоилась с новой обстановкой, среди которой она внезапно очутилась, покинув скромный родительский дом в тихом Карлсруэ. Екатерина, как и следовало ожидать, сразу приобрела расположение принцессы Луизы, которая нашла ее очень доброй и вскоре не чувствовала более никакого стеснения при встречах с императрицей.

Как уже выше упомянуто, Екатерина не спешила познакомить внука с принцессами, желая дать им время оправиться после утомительного и долгого переезда. «Старшая немного кашляет, а у младшей насморк, — пишет она графу Румянцеву; «но надеюсь, что после небольшого отдыха это пройдет», — прибавляет государыня.

2 ноября, перед обедом, прибыли из Гатчины цесаревич и великая княгиня Мария Феодоровна. Вечером великие князья и великие княжны собрались у родителей, и затем прибыли новоприезжие принцессы. Здесь произошло первое свидание принцессы Луизы с великим князем Александром. На другой день великая княгиня Мария Феодоровна сообщила императрице письменно о живом удовольствии, испытанном ею при встрече с обеими молодыми принцессами. «Старшая показалась мне прелестною, — пишет Мария Феодоровна, — она не только хороша собой, но во всей ее фигуре есть особенная привлекательность, которая в состоянии возбудить любовь к ней и в самом равнодушном существе. Она чарует своею обходительностью и тем чистосердечием, которым дышат все черты лица ее. У младшей личико веселенькое, умненькое, но она еще дитя. Старшая принцесса, увидя Александра, побледнела и задрожала; что же касается Александра, то он был очень молчалив и ограничился только тем, что смотрел на нее, но ничего ей не сказал, хотя разговор был общий. Когда принцессы распростились с нами, я стала хвалить их, то есть высказалась о впечатлении, которое они на меня произвели, и говорила от чистого сердца».

4 ноября Екатерина сказала Храповицкому: «Цесаревич очень полюбил и хвалит старшую принцессу, но жених застенчив и к ней

не подходит. Она очень ловка и развязна, *elle est nubile à 13 ans!* («она созрела в 13 лет»). Однако 1 декабря императрица сообщила графу Румянцеву следующие утешительные известия. «Мы продолжаем быть весьма довольны нашими двумя принцессами Баденскими; до сих пор кажется, что старшая одержит верх (*l'ainée emportera la romme*). Как кажется, она пришлась теперь весьма по вкусу господину Александру. Сначала он был так же неприступен, как принцесса была сдержанна; но теперь начинают привыкать друг к другу и любят быть вместе. Что касается публики, она твердо остановилась на старшей; младшая заметно хорошеет».

Письма великой княгини Марии Феодоровны Екатерине также служат подтверждением зарождавшейся любви Александра. 11 ноября великая княгиня пишет: «Наш молодой человек, судя по его письмам, кажется мне счастлив и доволен.— Принцесса Луиза, по его словам, *совершенно прелестна* (*la princesse Louise est tout à fait charmante*)». 17 ноября великая княгиня продолжает: «Уведомляю вас, что господин Александр во вчерашнем своем письме пишет нам, что “с каждым днем прелестная Луиза все более и более ему нравится; в ней есть особенная кротость и скромность, которая чарует, и что надобно быть каменным, чтобы не любить ее. Таковы подлинные выражения моего сына, и потому осмеливаюсь признаться вам, дражайшая матушка, что я сужу об удовольствии, которое доставит вам это признание, по тому удовольствию, которое оно мне доставило... Наш молодой человек начинает чувствовать истинную привязанность и сознает всю цену того дара, который вы ему предназначаете”».

Не позабыла также Екатерина, среди всех этих радостных для ее сердца событий, своего старого “*souffre-douleur patenté*” (испытанного наперсника) и 7 декабря пишет Гримму: «Господин Александр будет вести себя очень умно и осторожно; однако в настоящее время он понемножку становится влюблен в старшую из принцесс Баденских, и я не поручусь, что ему не отвечают взаимностью. Еще не бывало лучше подобранной пары; они прекрасны, как день, полны грации, ума; все стараются поощрять их зарождающуюся любовь. Прошедшую неделю господин Александр смотрел комедию: “Новичок в любви” (*“L’amant novice”*) и неистово аплодировал во всех местах, которые ему нравились, так что никто не сомневался, что он покажет более ловкости, чем тот, кого представляли. Надеюсь, что вы будете читать эту грамоту лет через восемь, когда речь будет уже идти о детях Александра».

20 декабря Екатерина могла уже послать графу Румянцеву курьера с письмами к маркграфу, наследному принцу и наследной принцессе

Баденским, в которых она испрашивала их согласие, от имени великого князя Александра, на его предстоящий брак с принцессой Луизой. «По-видимому, — пишет императрица своему посланнику, — по истечении шестинедельного знакомства оба почувствовали взаимную склонность друг к другу. Когда этот курьер возвратится, мы примем надлежащие меры к приведению в православие принцессы, которое может состояться публично после Пасхи, после чего последует и обручение. Что же касается свадьбы, то, в видах крайней юности их обоих, я отложу ее, если будет возможно, еще на некоторое время, но эта отсрочка, судя по ходу дела, не будет продолжительна. Выбор Александра и его привязанность получили всеобщее одобрение, и я смею надеяться, что с помощью Божией они будут счастливы вместе. Если наследная принцесса будет настаивать, чтобы я отправила к ней обратно младшую из ее дочерей, то я думаю, что эта последняя может возвратиться в будущем мае, когда дороги будут хороши, а погода ясна; она нежного сложения, которое, однако, окрепнет».

Обратимся теперь к запискам Протасова, который занес на страницы своего дневника последовательную историю сватовства своего воспитанника. 5 ноября, во время концерта в Эрмитаже, Протасов заметил, что великий князь Александр обходился с принцессой Луизой весьма стыдливо, но приметна была в нем большая тревога, и с того дня, как он полагает, «начались первые его к ней чувства». С этого времени великий князь стал более знакомиться с принцессой, и «тем открылись ему ее достоинства». 15 ноября Александр Павлович имел откровенную беседу с Протасовым и признался ему, «сколько принцесса для него приятна, что он бывал уже в наших женщин влюблен, но чувства его к ним наполнены были огнем и некоторым неизвестным желанием — великая нетерпеливость видется и крайнее беспокойство без всякого точного намерения, как только единственно утешаться зрением и разговорами; а, напротив, он ощущает к принцессе нечто особое, преисполненное почтения, нежной дружбы и несказанного удовольствия обращаться с нею; нечто удовольственнее, спокойнее, но гораздо или несравненно приятнее прежних его движений; наконец, что она в глазах его любви достойнее всех здешних девиц». Высказав Протасову чувства, волновавшие его душу, Александр Павлович присовокупил еще, что «по некоторым материям с нею он находит из ее разговоров много сходства с его мыслями». «Я к этому не оставил ему сказать, — пишет Протасов, — что когда ее умоположение сходственно с его, то и не может ничего быть счастливее. Вследствие чего и советовал, чтоб он, видя таковую божескую к себе благодать, без всяких его заслуг, питал душевную к Провидению Всевышнему благодарность за избрание ему такой

жены, которая век его сделает благополучнейшим». Слезы мои и ласки последовали сим моим словам, которые и теперь из глаз моих стремятся. Всемогущий Бог мне свидетель, каким удовольствием и живою радостью наполняется душа моя в сии минуты, и сколько по неизреченной Его ко мне благодати заплочен я за все мои в течение воспитания великого князя беспокойства и разные тревоги: вижу и собираю плоды моих трудов и попечений! Мой воспитанник — честный человек, прямой христианин, доброте души его нет конца, телесные его доброты всем известны. *Невеста, ему избранная, как нарочно для него создана.* Если Александр Павлович имеет некоторые слабости, яко то: праздность, медленность и лень, имею надежду, что хорошие его качества переработают отчасти его недостатки. Прошу Бога, чтоб он утверждался в добродетели, которой столь хорошие семена в нем посеяны, и если вперед при нем будет хороший человек, не сомневаюсь ни мало, чтоб он еще лучше не сделался, ибо его нрав столь кроток, что после частых моих досад от поучений, строгих выговоров и непрестанных доук, он, чувствуя оных справедливость, не только оными огорчается, но, принимая с повиновением, оказывает мне больше снисхождения и дружбы.

Принцесса Луиза с самого приезда в Россию своею красотою и кротким, ласковым со всеми обращением очаровала не только императрицу и великого князя Александра, но даже цесаревича Павла Петровича и великую княгиню Марию Феодоровну, равно как и весь двор Екатерины. Протасов в следующих строках обрисовал чарующий образ ее: «Черты лица ее очень хороши и соразмерны ее летам, ибо в будущем генваре (1793 года) ей минет только 14 лет. Физиономия пресчастливая; она имеет величественную приятность, рост большой; все ее движения и привычки имеют нечто особо привлекательное; она не только ходит, но и бегают — как я при играх приметил — весьма приятно. В ней виден разум, скромность и пристойность во всем ее поведении. Доброта души ее написана на глазах, равно и честность. Все ее движения доказывают великую осторожность благонравия; она столько умна, что нашлась со всеми, ибо всех женщин, которые ей представлялись, умела обласкать или, лучше сказать, всех обоего пола людей, ее видевших, к себе привлекла. Я не ошибусь наперед предузнать, что чрез несколько лет, когда черты ее лица придут в совершенство, она будет красавица. Ее светлость имеет в нраве много сходства с Александром Павловичем».

Действительно, принцесса Луиза, по единогласному отзыву всех лиц, видевших ее в эти годы, была чрезвычайно хороша собою. «Я ничего не видел прелестнее и воздушнее ее талии, ловкости и приятности в обращении, — говорит о ней Евграф Федорович

Комаровский, состоявший при графе Румянцеве и видевший принцессу перед отъездом ее в Россию. По свидетельству других современников, черты лица ее были чрезвычайно тонки и правильны; греческий профиль, большие голубые глаза, правильное овальное очертание лица и волосы прелестнейшего белокурого цвета, при этом стройный стан, врожденная грация и чисто воздушная походка делали ее подобною нимфе. Наконец, она обладала еще чрезвычайно мягким, приятным голосом, который вкрадывался в душу (*un soil de voix d'une douceur qui s'insinuait dans l'âme*). Екатерина называла ее сиреной и говорила, что голос ее так и проникает вам в душу.

Что касается Александра, то Екатерина описывает его в эту эпоху Гримму в следующих восторженных строках: «Как бы вы удивились и в какое пришли восхищение при виде этого высокого, красивого и доброго юноши. Как много он обещает, какая это воплощенная чистота и вместе с тем глубина! Какая последовательность в правилах и сколько беспримерного желания поступать во всем хорошо! — При всем том он необыкновенно скромен и все в нем естественно: в нем нет ничего искусственного. Что за прелесть этот юноша, от которого все без ума, да и есть чем восхищаться! Это наш любимчик (*das ist unser Herzblatt*); он очень хорошо знает это и идет своей дорогой. Голова у него несколько наперед, но красивая голова! Как увидишь ее, так забудешь, что молодой человек держит ее не довольно прямо, а немножко наклоняет вперед. Это было уже часто ему замечено, но когда он танцует или сидит на лошади и держит голову прямо над плечами, то он напоминает Аполлона Бельведерского тем, кто имеет честь знать последнего. У него такой же величественный вид, а это для четырнадцати лет, право, очень много. Но довольно! Не надо слишком много о нем говорить».

Императрица Екатерина, останавливаясь с неподдельным восторгом на красоте своего любимца, нисколько ему не льстила. Действительно, по единогласному отзыву всех современников, в пятнадцать лет великий князь Александр был совершенный красавец. Высокий ростом, прекрасно сложенный, стройный, он отличался изяществом приемов, ловкостью движений, которая однако не вредила величию осанки. Голубые глаза его светились умом; частые вспышки нежно-стыдливого румянца оживляли мраморную белизну его нежного, женственного лица. Особенную прелесть его лицу придавала улыбка, имевшая в себе чарующую привлекательность. В сознании своей красоты, Александр любил одеваться к лицу, щеголять нарядами. По свидетельству Ростопчина, можно было смело сказать, что не было в мире подобного великому князю Александру: душа же его

была еще прекраснее его наружности; еще никогда нравственные и физические стороны не были так прекрасно закончены в одном лице.

С января месяца 1793 года, когда было получено официальное согласие родителей принцессы Луизы на ее брак с великим князем Александром, она начала учиться русскому языку и догматам греческой веры. 9 мая в большой церкви Зимнего дворца состоялось миропомазание принцессы Луизы, нареченной в православии Елисаветой Алексеевной. Обряд совершал Гавриил, митрополит новгородский и с.-петербургский; восприемницей принцессы была Новгородского Сирцова монастыря игуменья Александра Матвеевна Шубина.

На другой день происходило торжественное обручение великого князя Александра Павловича с ее высококняжескою светлостью благоверной княжной Елисаветой Алексеевной, причем кольца меняла императрица Екатерина. По совершении обручения отслужен благодарственный молебен, а потом началась божественная литургия. «Мой любезный воспитанник, — отмечает Протасов в своем дневнике, — во весь божественный обряд сохранял всю должную к сему происшествию благопристойность, при особливом душевном удовольствии, сопровождаемом кротостью и смиренномудрием».

«Все говорили, что обручают двух ангелов, — пишет Екатерина. — Ничего нельзя вообразить прелестнее этого 15 летнего жениха и 14 летней невесты; притом, они очень любят друг друга. Тотчас после обручения принцессы она получила титул великой княжны». В тот же день был дан парадный обед, за которым императрица, цесаревич с супругой, высокообрученные и великий князь Константин Павлович кушали на троне под балдахином. Вечером был бал во дворце; город был иллюминирован, и весь день при церквах был колокольный звон. 11 мая высокообрученные принимали поздравления от высших сановников и придворных лиц, а на другой день императрица выехала в Царское Село. 14 мая за ней последовал великий князь Александр, а затем и его невеста с принцессой Фредерикой.

В день обручения великого князя Александра генералу Протасову пожалованы 10 000 рублей, но Лагарп был забыт. Затем для Александра Павловича образован был особый двор, гофмаршалом которого назначен полковник граф Николай Головин. Должность гофмейстерины молодой великой княжны заняла графиня Е. П. Шувалова. Кроме того, пожалованы при великом князе три камергера и три камерюнкера; такое же число придворных чинов назначено и к великой княжне. Таким почетом никогда не пользовался цесаревич Павел Петрович, и одно уже это распоряжение императрицы Екатерины доказывает, к кому в мыслях ее в будущем должен был перейти все-российский престол.

Ввиду радостного события — обручения великого князя Александра, — лира Державина не осталась безмолвною. Еще ранее, по случаю приезда в Петербург принцессы Луизы, Гавриил Романович написал оду к Каллиопе (царице песней), в которой он воспевал красоту и любовь царственной четы, припоминая свое приветствие «порфирородному отроку» при его рождении:

Се тот молодой герой,
Тот отрок мой порфирородный,
Я чье рожденье воспевал...
Се он, которому дары
Сносили геньи в колыбели
И наделили всем его,
Чтоб быть на троне человеком...
Се он с избранною своей!
Гордись, моя, гордись, лира,
Пророчеством теперь твоим;
Уже оно почти сбылося
Мой полубог почти уж бог;
Он всех сердца возжег.

После обручения появилось стихотворение «Амур и Психея», которое было положено на музыку и пето в присутствии императрицы на царскосельской колоннаде.

Среди удовольствий царскосельской придворной жизни и новой для него обстановки великий князь Александр, конечно, отстал от научных занятий. Об этом горько сожалел Протасов, который пишет, что «Александр Павлович отстал нечувствительно от всякого рода упражнений; пребывание его у невесты и забавы отвлекли его высочество от всякого прочного умствования. Положение бесполезное для будущего времени, но извинительное по его летам и обстоятельствам! Семена добродетели, в нем посеянные, при благодати Божией, являют однако ж иногда плоды свои, как, например, в следующем: при починке в обмазывании алебастром царскосельского дворца один работник упал с вышины и переломил члены. Неизвестно, почему, когда уже его вынесли из сада, дошло сие до моего воспитанника: отослать оного в больницу, послать к нему своего лейб-медика, приказать хирургу пользоваться его, дать на все сие деньги, к самому же послать некоторую сумму, постелю, кожи, свои простыни — были для него одна минута. Но что еще более, справляться всякий день про него, заниматься этим, а всего драгоценнее — не только другим, но и мне о том не сказал, почитая сие долгом человечества, к чему всякий непременно обязан! — В течение сего же времени имел я удоволь-

ствие часто слышать от людей честных и беспристрастных похвалы Александру Павловичу за его ласку, учтивость и снисхождение».

Об этом же времени Ф. В. Ростопчин писал графу С. Р. Воронцову: «Пребывание в Царском Селе необыкновенно пышно; образовался новый двор, много дам, следовательно, много суеты, и историям нет конца. Великая княжна Елисавета пользуется всеобщей любовью; но мне досадно, что у нее перед глазами пример дочери графини Шуваловой, что замужем за Голицыным: это — лукавейшая тварь, сплетница, кокетка и беззастенчивая в речах. Вообще выбор лиц к этому двору, за исключением графа Головина и Туттолмина, весьма неудачен: в нем видишь либо глупцов, либо вертопрахов, либо таких молодых людей, о которых и сказать нечего. Великий князь Александр, при добрейшем сердце, до крайней степени не сведущ во всем, что касается знания людей и общества; окруженный тупоумными людьми, он освоился с глупостью. Графиня Шувалова, вместо того чтоб исправлять и с нежностью образовывать, выставляет все его недостатки и добилась уже того, что ее ненавидит и молодой человек, и молодая великая княжна. Сердце великого князя прекраснейшее в свете... но он слышит столько пошлостей и столько разговоров о предметах, недостойных его внимания, что будет чудом, если он не поддастся дурному примеру. Впрочем, люди, его окружающие, не понимают ни важности мест, ими занимаемых, ни должного уважения к личности молодого князя, единственную заботу свою полагают в том, чтобы смешить его. Он до сих пор довольно охотно выслушивает правду и исправляется. Я взял смелость высказать ему мой образ мыслей относительно остроумия и каламбуров, которыми он любит щеголять, и, кажется, он исправился от этого недостатка, ибо я таковых более не слышу от него. Он чрезвычайно любит Кочубея. При обоих великих князьях состоит наставником прекрасный достойный человек, по имени Лагарп, родом швейцарец. Не знаю, каким образом и по какой причине принц Нассауский и Эстергази² изыскали средства оклеветать его перед императрицею по поводу некоторых писем, написанных им на родину во время смут в Ваатланде. С беднягою очень худо обошлись: о нем позабыли при назначении наград кавалерам великого князя Александра. Он хотел удалиться, и это было бы великой потерей, ибо заботам этого человека великие князья обязаны своим воспитанием. Но императрица приглашала его к себе два раза, и швейцарец, объяснив все, как было, разоблачил плутни г. Эстергази и вышел победителем».

В это время Екатерина продолжала заниматься записками касательно Российской истории и среди оживленной царскосельской жизни почти не писала Гримму. Тем не менее и в немногих строках,

посланных ею своему корреспонденту, встречается одно любопытное указание об Александре.

«Но представьте себе, какое подозрение падает на Александра, — пишет Екатерина. — Кто бы это подумал? Один из кавалеров, его воспитателей, вздумал прошедшее лето перевести на русский язык английскую комедию Шеридана “Школа злословия”. Ее играли в Эрмитаже и пьесу эту нашли гораздо выше французского перевода, сделанного во Франции. Так как этот русский перевод блеснул остроумием и оригинальностью языка и был прекрасно приновлен к нашим нравам и обычаям, то все пришли от него в восторг. Александр принимал живое участие в одобрениях и восклицаниях зрителей. Я думала, что он просто по дружбе к своему кавалеру придает такую цену аплодисментам. Пьесу сыграли и в городе, но там публику не так легко было провести, как меня, и все заговорили, что Александр сделал большую часть этого перевода с английского, что он лучше знает по-английски, чем его кавалер, и как бы ни скрывался, все знают, что самые удачные остроты принадлежат ему. Слухи дошли до меня; я ему сказала это. Он стал отрекаться, покраснел и уверял, что он слышал отрывки в чтении и, может быть, иногда делал свои замечания, а кавалер его мог этим воспользоваться, чтоб изменить кое-что в переводе. Видите, заключает императрица, как болезни прилипчивы, и что значит дурной пример».

В письме от 5 августа еще говорится, что слух о путешествии господина Александра по Европе — выдумка газетчиков, которая не имеет никакого основания, и что еще до Рождества будет его свадьба (*il sera bien et dûment marié d’ici à Noël*).

В исходе лета великая княжна Елисавета испытала большое огорчение; ей пришлось расстаться с сестрой, которая в сопровождении С. Ф. Стрекалова возвратилась в Карлсруэ. «Обе сестры очень плакали, — пишет Протасов, — и Александр Павлович оказал свою чувствительность многими слезами, при чем и мы, все тут бывшие, не могли удержаться от слез; столь сие зрелище было горестно! Провожали ее светлость сестра и оба великие князья с двором нашим чрез сад до кареты». “*Je serai seule, seule, absolument seule sans avoir personne à qui communiquer mes petites pensées*” «я буду одна-одинешенька, совершенно одна, и некому будет высказать мои мысли», — писала огорченная Елисавета Алексеевна своей матери.

16 августа императрица Екатерина переехала из Царского Села в Петербург, в Таврический дворец. На другой день за ней последовали великие князья и великая княжна-невеста. Здесь двор начал готовиться к целому ряду торжеств. Они открылись 2 сентября празднованием мира с Турцией, которое продолжалось по 15 сентября

и окончилось фейерверком на Царицыном лугу. Затем 28 сентября исполнилось наконец заветное желание императрицы Екатерины: в этот день совершено бракосочетание великого князя Александра.

В 8 часов утра, по сигналу, поданному пятью выстрелами с Петропавловской крепости, все находившиеся тогда в столице войска гвардии, в числе 14 527 человек, под начальством генерал-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова³, выступили и затем выстроились на площади перед Зимним дворцом и по прилегающим к ней улицам. В 12^{3/4} часов при двадцати одном пушечном выстреле с бастионов Адмиралтейской крепости тронулось торжественное шествие из внутренних апартаментов государыни в большую церковь Зимнего дворца. На женихе надет был кафтан серебряного глазета с бриллиантовыми пуговицами, алмазные знаки св. Андрея Первозванного; на невесте таковое же платье с украшениями из жемчугов и бриллиантов. Обряд бракосочетания совершал синодальный член и соборный Спаса-Преображения церкви протопресвитер Лукьян Протопопов. Венцы держали великий князь Константин над Александром и граф Безбородко над Елисаветой. По окончании обряда бракосочетания отслужено было молебствие с коленопреклонением, и при пении «Тебе Бога хвалим» стоявшие в строю войска произвели пальбу трехкратным беглым огнем, которой отвечал гром пушек с бастионов Адмиралтейской и Петропавловской крепостей и яхт, стоявших на Неве, а по церквам начался колокольный звон, продолжавшийся три дня. Празднества по случаю бракосочетания великого князя Александра продолжались 14 дней и завершились 11 октября блистательным фейерверком на Царицыном Лугу.

